

№ 151

Р У С С К И Я В Ъ Д О М О С Т И

СЕРЕДА, 2-го ЮЛЯ 1914 г.

3

Отрывки из воспоминаний об А. П. Чехове.

Такъ хорошо знакома всякому ялтинцу чеховская дача въ Верхней Аутѣ, несмотря на всѣ старанія сохранить ее такой, какъ она была при жизни Антона Павловича, все-таки измѣнила свой видъ за эти десять лѣтъ. Съ такой заботливостью и любовью насаждавшійся имъ садъ очень разросся и даетъ теперь густую тѣнь. Самый домъ, въ которомъ сдѣланы нѣкоторыя, хотя и незначительныя, перестройки, въ тѣ мѣсяцы года, когда здѣсь проживаетъ сестра писателя Марія Павловна со своей старушкой-матерью, имѣетъ внутри болѣе жилой и оживленный видъ, чѣмъ прежде, и только двѣ комнаты, — кабинетъ и спальня, — остались совершенно неприкосновенными, даже въ молочкахъ. На письменномъ столѣ — тѣ же оригинальные подвѣсчики, чернильница, слоны, карандаши, календарь, коробка съ остатками мыльных лепешекъ, медицинскій календарь, молоточекъ и стетоскопъ и нераспечатанная бандероль, тѣ же портреты и украшенія на стѣнахъ; и въ спальнѣ все осталось такъ, какъ было въ день послѣдняго отъѣзда писателя изъ Ялты. Даже электрическое освѣщеніе, проведенное теперь въ домъ, заканчивается на порогѣ кабинета. И когда входимъ въ эту комнату, то нѣволью кажется иногда, что вотъ изъ-за рѣзныхъ дверей, ведущихъ въ спальню, или изъ глубокой ниши за письменнымъ столомъ покажется дорогое лицо и раздастся знакомый голосъ. И вслѣдъ за тѣмъ еще больше чувствуется, что этого не случится уже никогда.

Я познакомился съ Антономъ Павловичемъ осенью 1898 г. Пріѣхавъ тогда въ Ялту на короткое время, спасаясь отъ сѣверной осени, я однако вскорѣ вынужденъ былъ рѣшиться окончательно переехать въ Крымъ. Чеховъ пріѣхалъ въ Ялту почти одновременно со мной, сначала также безъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ будущаго, и только здѣсь рѣшилъ основаться въ Ялтѣ болѣе прочно. Здѣсь же въ то время проводилъ свой отпускъ нашъ общій другъ, известный московскій земскій врачъ П. П. Орловъ. Пичѣмъ не занятые, мы втроемъ проводили вѣсѣтъ много времени, днемъ — часто у Антона Павловича, снимавшаго двѣ небольшихъ комнаты на дачѣ Бушева, по Николаевской ул. Однажды А. П. повезъ насъ въ Верхнюю Аутку показать предлагаемый ему для покупки на очень выгодныхъ условіяхъ участокъ земли съ «библейскими» колодцами. Участокъ представлялъ довольно унылый видъ: градникъ противъ запущеннаго стараго татарскаго кибитки; чтобы попасть на него, мы должны были перелезть черезъ заборъ. Но отсюда открывался прекрасный видъ, и мѣсто было прекрасно...

Съ перваго же дня нашего знакомства А. П. произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Я, помню, старался самъ разобораться, не играетъ ли здѣсь роль нѣкоторый гипнозъ отъ общенія съ писателемъ, популяристъ котораго тогда уже быстро росла. Однако вскорѣ убѣдился, что обаяніе его личности основано было исключительно на рѣдкихъ качествахъ души и оригинальнаго ума. И въ послѣдующія шесть лѣтъ, до самой его смерти находясь въ постоянномъ близкомъ общеніи съ нимъ, я ни разу не имѣлъ повода усомниться въ правильности этого заключенія.

Когда приходится ближе познакомиться, много оказывается съ известными художниками, писателями, въ которыхъ мы давно уже оставили себѣ то или иное представленіе на основаніи ихъ произведеній, то иногда испытываешь чувство горькаго разочарованія: въ чертахъ ихъ характера, въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ и жизни оказывается верѣдь такъ много обывательскаго, мелкаго, непріятнаго, такъ мало гармонирующаго съ рисовавшимся нашему воображенію.

У Чехова этого не было. Здѣсь мы и въ жизни находили того же малаго, обыкновеннаго добраго, тонкаго, чуткаго, съ нѣжной грустью и незлобивымъ юморомъ Чехова, какими мы себѣ его представляли и до личнаго знакомства. И можно сказать, что именно при личномъ съ нимъ знакомствѣ становилось понятнымъ, какъ авторъ «Пестрыхъ рассказовъ» и «Медвѣдя» могъ дать «Мужиковъ», «Въ аврагѣ», «Вишневый садъ» и многое другое, и дѣлалось яснымъ, что еще много значительнаго и выдающагося онъ можетъ дать, — и, навѣрное, далъ бы, — если бы не злой недугъ и преждевременная смерть.

Въ первое время своей жизни въ Ялтѣ, особенно въ 1899 г., онъ принималъ активное участіе, хотя исключительно почти по сбору денегъ, въ мѣстныхъ благотворительныхъ организацияхъ, особенно въ попечительствѣ о пріѣзжихъ больныхъ ялтинскаго благотворительнаго Общества, собиравъ пожертвованія на голодающихъ и, конечно, успѣшно, потому что многіе приносили свою лепту исключительно съ цѣлью повидаться и поговорить съ популярнымъ писателемъ и получить его автографъ въ видѣ квитанціи. Въ то время онъ почти ежедневно прогуливался по набережной, заходя въ книжный магазинъ И. А. Синапи. Вслѣдствіи онъ сталъ выходить рѣже, отчасти изъ-за здоровья, а главнымъ образомъ изъ-за назойливыхъ преслѣдованій поклонниковъ, какъ ихъ въ Ялтѣ прозвали «Антоновки», которыя ходили за нимъ по пятамъ.

Однако и у себя дома ему приходилось много терпѣть отъ посѣтителей. Въ то время, особенно весной и лѣтомъ, на Южній берегъ съѣзжались обыкновенно многочисленныя представители литературы, художники, ученые, артисты; почти всѣ они считали своимъ долгомъ побывать у Чехова. И хотя А. П. скучалъ безъ народа, но въ послѣдніе годы онъ иногда долгими періодами чувствовалъ себя плохо, и посѣщенія эти тогда его физически утомляли, а у него не хватало твердости отградить себя отъ нихъ. Были нѣкоторые посѣтители, которые его особенно допрашивали. Чеховъ терпѣть не могъ двухъ лѣтъ: разговоровъ о его дѣлѣ и разговоровъ про свои те-

кущія работы. Въ началѣ 900-хъ годовъ его особенно часто посѣщали одиѣ начинающіе тогда писатели, Н., неосторожно касавшіеся именно этихъ предметовъ, просиживая дѣлами днями и приводя А. П. въ отчаяніе, но и тутъ онъ оставался беззащитнымъ и терпѣлъ. Помню, разъ, поздно ночью, раздался звонокъ въ телефонъ. Услышавъ голосъ А. П., я встревожился.

— Что случилось?

— Плохо, батенька, опять касторку только-что принялъ.

— А что?

— Н. же опять весь день просидѣлъ. Ведя громадную переписку, А. П. былъ вообще, особенно съ людьми мало знакомыми, неразговорчивъ. Но при этомъ обычно держалъ себя такъ, что несмотря на его молчаливость съ нимъ чувствовалось вѣсѣмъ необычайно легко. Но за-то когда онъ физически муштвовалъ себя лучше, былъ въ хорошемъ настроеніи, не было много изъ постороннихъ, онъ дѣлалъ иногда необычно оживленнымъ и разговорчивымъ собесѣдникомъ. И тогда онъ могъ долго, часами, своимъ низкимъ груднымъ голосомъ рассказывать о своемъ дѣтствѣ, о Таганрогѣ, о началѣ своей писательской карьеры («Тогда легко писалось; пока стыдѣнь на лѣсенкѣ въ купальнѣ, и готовъ рассказъ»), о времени студенчества, о братѣ Николаѣ, о встрѣчахъ и отношеніяхъ съ разными писателями, о жизни въ Мелеховѣ и т. д. Онъ воодушевлялся, лучистые глаза весело искрились, правый указательный палецъ непрерывно расправлялъ правый усть, и рассказъ часто прерывался его характернымъ короткимъ смѣхомъ. Время-отъ-времени дѣлались паузы, чтобы сдѣлать два-три глотательныхъ движенія для подавленія позывовъ на кашель, потому что кашлять и при немъ не полагалось. И если въ это время въ выделяемой мокротѣ замѣчалъ кровяныя жилки, то долженъ былъ не обращать на это вниманія, иначе значило испортить ему настроеніе. Онъ любилъ говорить о текущихъ литературныхъ новостяхъ и при этомъ часто давалъ удивительно мѣткія, образныя характеристикі. Какъ-то разъ я засталъ его за чтеніемъ новаго рассказа писателя, котораго онъ очень цѣнилъ и уважалъ и какъ человѣка, и какъ литератора. «Ну, что, нравится вамъ?» — «Хорошо. Это хорошо, что онъ пишетъ. Тяжеленько, а все-таки хорошо. Знаете, какъ тарантасъ: трясло и неудобно, а по извилимъ дорогамъ бѣгъ него никакъ нехорошо. Потомъ, помолчавъ немного, съ улыбкой прибавилъ: «Вотъ только жаль, что про любовь ему писать нельзя, а безъ любви писать рассказы трудно», и на мой вопросительный взглядъ докончилъ: «Жена не позволяетъ про любовь».

Читалъ Чеховъ много, и обыкновенно, если заставешь его не за письменнымъ столомъ и не въ саду, то почти всегда съ книжкой въ рукахъ. Читалъ новыя журналы (въ томъ числѣ и «Вѣстникъ Иностранной Литературы»), пересчитывалъ Тургенева, Мопассана и особенно часто мелкія вещи Толстого. Много времени онъ тратилъ на чтеніе рукописей разныхъ начинающихъ авторовъ; относился къ этому очень серьезно и, насколько мнѣ извѣстно, не оставлялъ относящихся сюда обращеній безъ отвѣта.

Извѣстно, съ какою любовью относился Толстой къ Чехову, и Чеховъ въ свою очередь платилъ ему особенной нѣжной привязанностью и преданностью. Зимой 1901—1902 г., которую Толстой провелъ въ Гаспрѣ, недалеко отъ Ялты, Чеховъ чувствовалъ себя плохо, и поѣздки туда его утомляли, и вѣсѣмъ то онъ очень боялся простуды, а все-таки онъ всегда бѣдилъ туда съ особеннымъ удовольствіемъ и, если мы возвращались вѣсѣтъ, на обратномъ пути не переставалъ говорить о Толстомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ дней еще продолжалъ вспоминать всѣ мелочи посѣщенія и всѣ слова и замѣчанія Толстого и все прибавлялъ: «Замѣчательный старикъ».

Во время нѣсколькихъ разъ въ ту зиму повторившихся длительныхъ и опасныхъ заболѣваній Льва Николаевича онъ странно волновался; взявъ съ меня слово, что каждый разъ, возвращаясь изъ Гаспры, я буду заѣзжать прямо къ нему, а если ужъ почему-нибудь никакъ нельзя, то хоть по телефону сообщу ему самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи больного. Онъ въ то время много разъ повторялъ: «Бѣда, если Л. Н. умретъ; намъ же, русскимъ литераторамъ, безъ него плохо будетъ».

А. П. всегда прочитывалъ появлявшіяся о немъ критическія статьи и замѣтки. Какъ-то, указывая на одну изъ такихъ статей (кажется, если память не обманываетъ, Н. К. Михайловскаго), комически-серьезно замѣтилъ: «Вотъ, батенька, мы съ вами и не знали, а я ужъ въ третьемъ періодѣ. Да, то совсѣмъ не было періодовъ, а теперь вотъ три».

Въ однихъ воспоминаніяхъ, посвященныхъ А. П. — у, я прочиталъ, что А. П. очень любилъ медицину, продолжалъ слѣдить за ея успѣхами по спеціальной литературѣ и что если бы онъ не сталъ писателемъ, то, несомнѣнно, былъ бы выдающимся врачомъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Конечно, трудно сказать, что было бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но фактически по окончаніи очень непродолжительнаго участія своего въ московской земской медицинской организаціи ¹⁾ онъ, кажется, медициной болѣе не занимался. Въ Ялтѣ онъ никогда никакихъ медицинскіхъ книгъ не читалъ. Редакція «Русской Мысли» аккуратно пересылала ему газету «Русскій Врачъ», но онъ такъ прочитывалъ только отдѣлы хроники. Впрочемъ въ первый годъ своего пребывания въ Ялтѣ онъ два раза «начиналъ», по его выраженію, «практиковать». Въ первый разъ къ нему обратился за совѣтомъ одинъ изъ крымскихъ помѣщиковъ, большой неврастеникъ. Чеховъ долго съ нимъ бесѣдовалъ и съ терпѣливостью и необыкновенной важностью показывалъ потомъ полученный гонораръ, переданный имъ на благотворительныя дѣла. Второй разъ онъ былъ приглашенъ на консультацію къ

¹⁾ Вѣроятно, къ этому времени относится и собранный имъ матеріалъ по исторіи медицины въ Россіи, напечатанный въ оставшихся послѣ него бумагахъ.

покойному городскому врачу Б. Онъ мнѣ потомъ очень подробно рассказывалъ объ этой консультаціи, о своемъ діагнозѣ и о томъ, какъ, по его мнѣнію, неправильно лѣчать, и совершенно неожиданно закончилъ: «А знаете, А. (также давно уже умершій, очень знающій и уважаемый въ Ялтѣ врачъ) же—бѣглый каторжникъ, бывшій фельдшеръ, и дипломъ у него подложный». Не знаю, чѣмъ А. ему такъ не понравился, но сколько я его ни разубѣждалъ, онъ все повторялъ: «Вотъ увидите, это откроется».

Пріятелей и знакомыхъ онъ любилъ иногда расспрашивать про ихъ болѣзни и серьезно давать имъ при этомъ совѣты, которые впрочемъ чаще оканчивались указаніемъ, что «запускать не пужно, пужно серьезно лѣчиться».

Если въ домѣ у него заболѣвалъ кто-нибудь изъ прислуги, онъ принималъ самое серьезное участіе въ лѣченіи.

Любилъ А. П. писать рецепты, и, зная эту его курьезную черту, я старался не прописывать ему лѣкарства, а обыкновенно онъ стоялъ, бывало, у телефона и подъ мою диктовку заказываетъ лѣкарство въ аптеку, причемъ онъ какъ-то особенно отчеканивалъ латинскія названія, заставлялъ провизора повторить и прибавлялъ въ концѣ: «Рго аuctore (для автора). Чеховъ». Но полученное имъ специальное образованіе больше всего выражалось въ глубокомъ,—я бы сказалъ благоговѣйномъ,—его уваженіи къ наукѣ вообще и въ его слабости къ врачамъ, и въ особенностяхъ къ земскимъ врачамъ. Чеховъ неоднократно говорилъ, что онъ сознаетъ, какъ много онъ даже въ качествѣ писателя обязанъ тому, что онъ—врачъ. И иногда, говоря о нѣкоторыхъ вышедшихъ изъ народа писателяхъ-самоучкахъ, прибавлялъ: «Вотъ бы ихъ только въ университетъ поучиться, а то безъ образованія нельзя».

Всегда готовый всѣмъ и каждому помочь, чѣмъ только могъ, Чеховъ проявлялъ особую предупредительность къ земскимъ труженикамъ, а особенно высоко цѣнилъ званіе земскаго врача и земскаго учителя. Этому много способствовали и личныя его связи съ московскими земскими дѣятелями. Чеховъ очень близко принималъ къ сердцу вопросы врачебнаго быта и такъ-называемой профессиональной этики, и всякое нарушеніе последней находило въ немъ несмотря на обычную его мягкость суровую судью.

Посмотря на то, что Чеховъ самъ былъ врачъ, или, можетъ-быть, именно поэтому, только на свое собственное здоровье онъ долго обращалъ очень мало вниманія. А между тѣмъ болѣе 20-ти лѣтъ тянувшійся легочный процессъ поемногу все распространялся, подтачивая организмъ, и хотя въ Ялтѣ онъ уже сталъ лѣчиться довольно аккуратно, но было уже поздно. Последніе годы онъ чаще прежняго сталъ навѣдываться въ Москву,—не всегда въ благоприятное для себя время,—и почти за каждую такую поѣздку расплачивался обостреніемъ болѣзни. За послѣдній годъ болѣзни особенно замѣтно шагнула впередъ: постоянныя почти лихорадки, обострившіяся осложненія со стороны кишечника, частыя небольшие кровохарканія, все усиливавшаяся одышка при симптомахъ нарастающей сердечной слабости. Раньше приходилось нѣдѣлями упрашивать его дать выслушать себя; теперь онъ самъ очень часто предлагалъ: «Давайте, послушаемся». Все рѣже возвращалось хорошее настроеніе, и все чаще (до отъѣзда въ Москву) я заставлялъ его одиноко сидящимъ въ своемъ кабинетѣ въ креслѣ или въ полуположеніи на диванѣ съ закрытыми глазами, безъ обычной книги въ рукахъ. Онъ чаще прежняго сталъ останавливаться на общественныхъ темахъ (это было время передъ японской войной) и убѣжденно говорилъ: «Вотъ увидите, скоро у насъ будетъ конституція; безъ конституціи ужъ больше нельзя». Начавшаяся японская война его очень волновала. Работалъ онъ въ это время немного и только урывками, а плановъ было много; и это его также огорчало. Изъ Москвы онъ уѣхалъ въ Баденвейлеръ. Судя по послѣднему письму, полученному мною отъ него изъ Москвы, онъ ѣхалъ туда безъ особенной охоты и со сквернымъ самочувствіемъ. Не было сомнѣнія, что роковая развязка близка, и однако меня какъ молнія поразила полученная мной 3-го іюля на Рижскомъ взморьѣ телеграмма объ его смерти.

И. Альтшуллеръ.

Комментарий

Синани Исаак Абрамович (1855–1912) – владелец книжно-табачного магазина «Русская избушка», находившегося в здании гостиницы «Франция» на ялтинской набережной (дом не сохранился).

...фактически по окончании очень непродолжительного участия своего в московской земской медицинской организации... он, кажется, медициной большей не занимался. – Сейчас общеизвестно, что, живя в Мелихове, Чехов оказывал медицинскую помощь крестьянам ближайших населенных пунктов, а во время эпидемии холеры в 1892–1893 гг. он исполнял обязанности санитарного холерного врача. Кроме двадцати пяти деревень, в участок Чехова входили четыре фабрики и мужской монастырь Давидова пустынь.